

общественных институтов, например, оптимальной системы сдержек и противовесов. Во многих классических либеральных концепциях дело представлялось таким образом, что одни только политические или экономические механизмы способны предотвратить злоупотребление частными интересами. И. Кант, например, как и многие классические либералы, полагал, что общественное устройство не может создаваться в расчете на ангелов, поэтому нужно, чтобы жизнь людей была организована таким образом, чтобы «...несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [Кант, 1966]. Однако расчет на одни только институциональные решения оказался нереалистичным.

Представляется, что на проблематику гражданского согласия вполне может быть распространена аргументация, которая используется при обсуждении парадоксов коллективной рациональности. Основные парадоксы такого рода известны из теории игр. Такие «игры» как «дилемма заключенного» демонстрируют, что достижение оптимального результата возможно лишь на основе рационального согласия, основанного на доверии к партнеру. Поскольку эти игры представляют собой описание взаимодействия нескольких участников, имеющих противоположные, часто конфликтующие интересы, то механизмы достижения согласия безусловно представляют интерес и для анализа более общих случаев социального взаимодействия. Эти модели демонстрируют, что достижение общих целей невозможно без существенного пересмотра представлений об инструментальной рациональности.

Кроме того, представления о рациональности не могут и не должны сводиться лишь к инструментальной рациональности, то есть одному только поиску наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей. Необходимо говорить и о рациональности самих целей, а также рациональности эпистемического поведения человека. Такое расширение представлений о рациональности тесно связано с изменением представлений о сути современной демократии. Если раньше демократия часто рассматривалась как некоторый аналог рынка, на котором действовали постулаты экономической рациональности, то сейчас все чаще обсуждается другая модель – «демократия как форум» [Elster, 1997]. А в этой модели рациональным будет такое поведение, в ходе которого люди пытаются убедить друг друга в правильности того или иного решения. Достижение гражданского согласия в современном обществе, таким образом, возможно лишь на основе рационального консенсуса – то есть поиска оптимальных принципов сотрудничества с учетом признания коллективного характера этого предприятия и необходимости понимания и признания интересов, целей, ценностей и обоснованных притязаний других людей.

Источники и литература

1. Кант, И. Сочинения / И. Кант. – М., 1966. – Т. 6. – С. 285-286.
2. Elster, J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory / J. Elster // Contemporary Political Philosophy. Blackwell Publishers, 1997. – P. 128-142.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ КАК ДИСФУНКЦИЯ ВЛАСТИ

Шильман М.

г. Харьков. Украина

Философские дискуссии конца 60-х – 70-х годов, самыми известными участниками которых по праву называют М. Фуко и Ж. Делеза, заложили основы нового подхода к анализу отношений интеллектуалов и власти. Констатация «смерти» интеллектуала классического типа равнялась отказу интеллектуалу в его претензиях на универсализм, на определенное положение в обществе и на автономию от власти. Это, в свой черед, повлекло за собой пересмотр спектра актуальных задач и форм современной интеллектуальной деятельности. Взгляд сквозь призму концепции «власти-знания» на изменившегося интеллектуала, имеющего признаки «трансверсальности, а не универсальности» (Фуко), ведет к выводу о том, что определение такой фигуры 1) уже невозможно в позиционном плане, но 2) представляется эффективным в плане функциональном.

Фуко датирует появление классического интеллектуала XVIII веком, что вписывается в процесс перехода от недифференцированных пространств (жилых, мыслительных, социальных) к пространствам функциональным. Обособление субъекта от «универсального человека» Ренессанса означало отказ от примата неконструктивных идей в пользу значимости функционально эффективных конструктов. Само же функционирование – сопряженное с обеспечением чего-либо и служением чему-либо – в русле Просвещения и в развертке «проекта Модерна» продолжало пониматься как универсальное целесообразное предприятие. Общая цель и адекватные способы движения к ней задавали для социально-политических ансамблей те форматы унификации («прогресс», «знание», «История» и т.п.), в которых позиционное различие (диспозиция) составляющих соотнобразывалось «сверху». Значение имело положение интеллектуала относительно власти, отождествлявшейся с функцией подавления, а функциональность определялась удерживаемой между ним и властью дистанцией.

Рисуя неклассического интеллектуала XX века, Фуко показывает неэффективность интеллектуалов и в их критике идеологии, и в их протестах. По его мнению, во-первых, в обществе наблюдается «функционирование власти», а значит место, занимаемое интеллектуалом, есть, в первую очередь, место в ее функционировании. Во-вторых, власть рассеяна и «ее функционирование не сводится к цензурированию и запретам», а значит, борьба с институтами «порабощения» есть, прежде всего, функционирование внутри функционирующей власти, а не атака извне. Всякий протест оказывается продуктом той же природы, что и про-

дукт, против которого усилие протеста направляется, а любая оппозиция, означающая признание некой власти и правил ее игры, является, по сути, композицией с властью. Отстранение интеллектуала от органов власти в нынешних социальных конфигурациях теряет свой смысл и эффективность, так как власть 1) полифункциональна и 2) функционирует как «тело без органов». Власть способна ставить себе на службу интеллектуала независимо от его позиции, используя определенное отношение как отнесенность: позитивно/негативно относящийся к власти, к ней же и относится.

Интеллектуал, который, по словам Делеза, «перестал быть субъектом» и покидает процессы дистрибуции власти, – это новая функциональность, интеллектуальная функция, несводимая к функционированию власти, которая сродни функции компьютерного вируса. Его назначение заключается в сопротивлении «общему дискурсу» (Деррида), в организации попыток «взломать сеть институциональной информации» (Фуко), а политика – отличная от политики власти, осуществляющей через «экспертов» полицейские функции, – в том, чтобы ничему не подлежать.

Сегодня мы выбираем для себя одно из двух. Либо «интеллигентскую функцию», состоящую, по мнению У.Эко, в «формировании совокупной мудрости и совокупного блага» и «просвещенной популяризации», но требующую при любых условиях определиться в том, на чьей стороне выступать. Либо «подлинно интеллектуальную функцию», которая, по словам Ж. Бодрийяра, «играет на противоречии, на иронии, на противоположности, ... которая никогда не будет повиноваться закону и очевидности».